

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ О СВОИХ ЛЮБИМЫХ ПОЭТАХ

Судьба подарила мне радость многолетнего общения с Арсением Александровичем Тарковским. Мы познакомились в 1955 г. — тогда любители поэзии еще читали его стихи в списках, передававшихся из рук в руки (первый сборник А.Тарковского «Перед снегом» увидел свет в 1962 г., когда автору шел пятьдесят шестой год).

В летние месяцы с 1976 по 1985 гг. в подмосковном поселке Голицыно мне доводилось часто беседовать с А.А.Тарковским. Точные выдержки из дневниковых записей тех лет я привела в записках «Из бесед с Арсением Тарковским», пока не опубликованных.

Ниже даются — в сокращенном виде — содержащиеся в этих записках отдельные высказывания А.А.Тарковского за разные годы о некоторых его любимых поэтах.

***

Арсений Александрович не заводил специальных разговоров о поэзии — просто она была его жизнью.

Самой горячей его любовью был Пушкин. Слушая или читая вслух его стихи, Арсений Александрович всякий раз с радостным изумлением повторял: «Какая поэзия!» Особенно любил «Полтаву», вновь и вновь мог слушать с восторгом первооткрывателя поэму, которую с детских лет знал наизусть. О «Медном всаднике» говорил: «Поэма гениальная, но какая страшная...». При мне рассказывал другу всей его жизни, поэту Марии Сергеевне Петровых свой поразительный сон о Пушкине, впоследствии послуживший, как считал сам Арсений Александрович, толчком к созданию цикла «Пушкинские эпиграфы». (Опубликован в сборнике А.Тарковского «Зимний день», Москва, «Советский писатель», 1980 г.).

Вот этот сон. Арсению Александровичу привиделась Бессарабия; в домике наподобие мазанки, но почему-то розового цвета, Пушкин, маленький, очень живой стоит у рукомяйника, намыливает руки. Увидев Арсения Александровича, приветливо вскидывает голову, улыбается ему, выказывая готовность вступить в разговор. Но заговорить с ним Тарковский не осмелился и прошел мимо. С той поры, рассказывая этот сон, всякий раз сокрушался, что хотя бы во сне не побеседовал с любимым поэтом.

В интервью Тарковского, опубликованном в журнале «Вопросы литературы» (№ 6 за 1979 год), есть, в частности, такая фраза: «Гений приходит, чтобы затворить ворота эпохи». В ответ на мою просьбу разъяснить ее смысл, Арсений Александрович сказал, что речь идет о XVIII веке, и что он имел в виду Пушкина: после Пушкина гений не было.

— А Лермонтов?

— Лермонтов не гений, он большой талант...

В восемь лет друг отца по сибирской ссылке врач Афанасий Иванович Михалевич (народоволец, как и отец Арсения Александровича, Александр Карлович Тарковский) открыл ему поэзию украинского философа-просветителя Григория Сковороды. Арсений Александрович полюбил ее на всю жизнь — часто цитировал Сковороду или читал вслух его стихи, любил повторять строку Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал». В сборнике А.Тарковского «Зимний день» есть стихотворение «Григорий Сковорода».

Упоенно читал вслух Полонского, Тютчева, Фета, Иннокентия Анненского.

Из поэтов старшего поколения, которых Арсений Александрович еще застал в живых, он особенно любил Александра Блока, Федора Сологуба (несомненно, любил и других, но при мне чаще всего читал вслух именно этих).

Блока Тарковский, по его словам, изучал так: делил лист бумаги на семь граф: стихотворение Блока; что Блок читал в то время, когда оно появилось; на фоне каких исторических событий оно написано и т.д. Изыскания свои он впоследствии пере-

дал специалисту по творчеству Блока Вл. Орлову.

Заговорив о Блоке, Арсений Александрович рассказал, что совершенно случайно попал на похороны его жены, Любови Дмитриевны Менделеевой... Осенью 1939 г. Арсений Александрович поехал в Ленинград заключать с тамошним отделением Детгиза договор на переложение «Волшебных гусей» сербского поэта Р.Стиенского. Одет Арсений Александрович был по сезону — в элегантный серый костюм и легкий плащ. В Ленинграде, выходя из вагона, он вдруг почувствовал себя странно, словно во сне, но у него еще хватило сил зайти в Детгиз; оттуда он направился в гостиницу «Европейскую» и сел на окно. Очулся в Боткинских (инфекционных) бараках, где очутился вместе с Дмитрием Шостаковичем — обоих свалил жестокий токсический дифтерит. Вскоре после выхода Арсения Александровича из больницы к нему в гостиницу «Европейскую» пришел поэт и переводчик Вл. Пяст и предложил пойти на похороны Любови Дмитриевны Менделеевой. Арсений Александрович счел, что обязан пойти на кладбище, хотя был еще болен. Шли мучительно долго, и дорогой он совсем замерз в своем летнем плаще. Похороны, на которых присутствовали всего шесть человек, являлись собой, по словам Арсения Александровича, «нечто, блоковское: над безлюдным кладбищем — злоевищий алый закат, в свежвыкопанной могиле — вода. Вс. Рождественский произнес речь от имени Союза писателей, назвав покойную «Любовью Дмитриевной Блок», в ответ на что брат ее, Иван Дмитриевич, закричал: «Она не Блок, а Менделеева, мы ее Блокам не отдадим». Тело погрузили в полузатопленную могилу, засыпали землей вперемешку со снегом...

Арсений Александрович говорил, что это было одно из самых страшных зрелищ в его жизни...

Тарковский с детства полюбил стихи Федора Сологуба и тоже нередко читал их вслух. Сердито говорил, что «гад Горький забил Сологуба своим «фельетоном» о Смертяшкине». В 1913 году отец водил его, шестилетнего мальчика, на вечера Бальмонта, Сологуба и Северянина, приезжавших на родину Арсения Александровича — в Елизаветград. В 1924 году, в 17 лет, попав в Ленинград, Арсений Александрович позвонил Сологубу, рассказал, что слышал в детстве его стихи и очень их полюбил. Сологуб его пригласил. Принял очень вежливо и осведомился: «А вы, юноша, не пишете ли стихи?» Арсений Александрович ответил, что пишет, и Сологуб попросил его почитать. Послушав, сказал, что стихи очень плохие. Хозяин пригласил гостя отобедать с ним, но Арсений Александрович напомнил Сологубу, что уже вечер — вот-вот разведут мосты. Сологуб отпустил его с неохотой, подарив ему на прощание свою книгу «Небо голубое». В переднюю подал ему пальто: «Не смущайтесь, так принято — гостю всегда подают пальто».

— Вот, — заключал Арсений Александрович, — говорили, что он злой, а я никогда не видел та-

кого доброго старика. И чего он меня не отпустил? Может быть, от одиночества?

Из поэтов более близкого к нему поколения Арсений Александрович чаще всего говорил об Ахматовой и читал ее вслух. Любил также читать вслух М.Цветаеву, В.Ходасевича, Л.Первояйского, Ахматову, однако читал вслух чаще других.

Арсений Александрович не только безмерно ценил поэзию Ахматовой и не раз говорил, что с годами ценит ее все больше, но и очень любил ее как человека — по его словам, при виде Анны Андреевны он всякий раз «чешался от влюбленности». Он никогда не рассказывал о ее похоронах (хотя, как я знала от друга Тарковского Марии Сергеевны Петровых, принимал в них самое деятельное участие) — кончина А.Ахматовой была для него большим личным горем. От М.С.Петровых я узнала также, что Арсений Александрович познакомился с Ахматовой незадолго до войны у Шенгели, что Ахматова называла стихи Тарковского дивными, божественными, добавляя при этом: «Может быть, то, что его не печатает, — к лучшему». Она написала рецензию на его первый сборник стихов «Перед снегом» (1926 г.), а до того давала своим друзьям и поклонникам читать стихи Тарковского в списках. Сам Арсений Александрович об этой высочайшей оценке Ахматовой его поэзии при мне не упоминал ни разу (тщеславия, во всяком случае, в обычной его форме, он был начисто лишен — черта для поэта весьма редкая; но цену себе знал). Просто со свойственной ему самонадеянностью как-то рассказал, что когда он прочитал Ахматовой только что сочиненное им стихотворение «Земное», она решительно сказала: «Арсений Александрович, теперь вы можете попасть под трамвай». Вот такая, но совсем обычная похвала. Позволю себе привести это прекрасное стихотворение полностью:

*Когда б на роду мне
написано было
Лечь в колыхали богов,
Меня бы небесная мамка
вспоила
Святым молоком облаков.
И стал бы я богом ручья
или сада,
Стерег бы хлеба и гроба,
Но я человек, мне
бессмертия не надо:
Страшна неземная судьба.
Спасибо, что губ не свела
мне улыбка
Над солью и желчью
земной.
Ну что же, прощай,
олимпийская скрипка,
Не смейся, не пой надо
мной.*

Арсений Александрович не раз с восхищением говорил о необыкновенно изощренном поэтическом слухе Ахматовой. Рассказывал, что когда прочитал ей стихотворение «Первые свидания», Ахматова сразу спросила: «Вы начинали его терцинами?» — А ведь я, — добавил Арсений Александрович, — и вправду начинал его терцинами, но потом мне стало лень...

Любил повторять слова Ах-

матовой: «В нашей жизни нет ничего, о чем не было бы написано у Кафки».

Часто рассказывал о разных житейских происшествиях, характеризовавших Ахматову.

На один из дней рождения Арсения Александровича я принесла ему «Fioretti» Франциска Ассизского, и он с радостным удивлением спросил:

— Как вы догадались? Эту книгу я любил особенно, потому и подарил ее Анне Андреевне — она ею восхищалась. До сих пор помню — желтенькая такая была книжка. Какое совпадение! Это же лучшая книжка в мире.

Помню, как Арсений Александрович обрадовался полученной в подарок пластинке с записью стихов Ахматовой в собственном исполнении — ставил пластинку для каждого приходившего в дом гостя, чтобы вновь и вновь слушать ее самоту.

Арсений Александрович высоко ценил также стихи Марины Цветаевой и, хотя говорил, что с годами Ахматова нравится ему больше, а Цветаева — меньше, очень часто читал стихи Цветаевой вслух.

Что касается двух других великих поэтов, которых он знал лично, то о Мандельштаме за все годы он ни в одном из наших разговоров не упомянул. Однако почти во всех публичных выступлениях читал свое стихотворение о нем — «Поэт». Пастернак тоже при мне вслух никогда не читал и крайне редко упоминал его имя. Но в речи Арсения Александровича я не раз улавливала то ту, то другую пастернаковскую строку (или часть ее) — стало быть, знал он Пастернака основательно. А ведь стихов, которые ему не нравились, Арсений Александрович не читал — нередко на полуслове захлопывал очередной, поднесенный ему каким-нибудь автором поэтический сборник.

Высоко ценил Тарковский поэзию Марии Сергеевны Петровых. Не раз говорил, что М.С.Петровых — большой поэт:

— Подумайте, как трудно, почти невозможно женщине сохранить в поэзии собственное лицо после Ахматовой и Цветаевой!

Арсений Александрович хорошо знал и любил читать вслух Владислава Ходасевича, Чулкова, Георгия Иванова, Михаила Кузмина. Маяковского терпеть не мог, при одном упоминании его имени взрывался:

— Его еще в гимназии прозвали Идиот Полифемович!

Однажды я попросила Арсения Александровича рассказать об Э.Багрицком — оказалось, что он был последним, с кем тот говорил по телефону. (Незадолго до

смерти Багрицкий редактировал переводы стихов еврейского поэта И.Фефера, были в их числе и переводы Тарковского). Арсений Александрович с уважением сказал, что Багрицкий знал наизусть всю поэзию и что ему он, в частности, открыл прекрасного поэта Константина Случевского. Однако очень осуждал известные его строки о веке:

Но если он скажет:

«Солги», — солги.

Но если он скажет:

«Убей», — убей...

— Вот так поэтическое кредо в двух строках! — возмущался Тарковский.

Из поэтов-современников любил и часто читал вслух Леонида Первояйского — иногда по-украински («Серебряный трамвай»), переводя по ходу чтения, иногда — в своих переводах. Высоко ценил поэзию Давида Самойлова, Владимира Соколова.

Очень сердечно относился Тарковский к своим ученикам. (Одно время он вел в Союзе писателей занятия студии молодых литераторов, по поводу чего шутил: научить человека писать стихи нельзя, но если можно таким путем уберечь молодых людей от влияния улицы — что ж, он готов...).

Из учеников своих особенно выделял Ларису Миллер. Помню, как в сентябре 1977 года она приехала к Арсению Александровичу на дачу в Голицыно, чтобы подарить ему только что изданный сборник ее стихов — «Безмянный день». Лариса Миллер с благодарностью расцеловала своего учителя:

— Арсений Александрович, это наша общая книга!

Наставник горячо радовался выходу книги. Дал мне ее почитать.

— У нее прозрачно-родниковая форма при истинно глубоком содержании, — сказал он. — Когда читаю ее, отдыхаю от невнятицы и мнимого глубокомыслия, а их так много в современной поэзии.

Через три дня я вновь пришла на дачу Тарковских, и первым вопросом Арсения Александровича было:

— Ну, как вам Лариса Миллер?

Он стал с увлечением читать вслух ее стихи, не вошедшие в сборник. Потом сказал:

— Как жаль, что ее не услышит Ахматова...

Самые последние слова Арсения Александровича Тарковского о стихах и поэтах мне довелось услышать 2 сентября 1985 года. Сильно сдвинув, очень бледный, сидел он в странной «отключке», раскладывая пасьянс. Вдруг ожил: с радостью стал рассказывать, что получил от никому тогда не известного поэта из Минска Михаила Айзенштадта прекрасные стихи на оберточной бумаге — и тут же начал читать их вслух. Никогда не забыть мне радости и волнения Арсения Александровича, неожиданно открывшего для себя подлинного поэта...

О.МИТИНА.

* М.Горький. «Русские сказки», ч. III.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО РЕЖИССЕРА

Пожалуй, самым значительным событием Мейерхольдовских дней в Москве, приуроченных к открытию в столице России Творческого центра великого режиссера, стал выход в свет двухтомного «Мейерхольдовского сборника» (редактор-составитель А.Шерель). В богато иллюстрированное издание объемом 60 печатных листов вошли материалы, хранящиеся в архивах КГБ, Военной прокуратуры, Московского университета, Санкт-Петербургского института истории искусств, других государственных и общественных архивах, письма, стенограммы выступлений, воспоминания, многие из которых никогда ранее не публиковались.

Сборник издан при содействии Московского филиала банка социального развития «Ладабанк».

А.СУХАНОВА.

Арсений Александрович Тарковский

12.06.92.